

Без вариантов

Главная беда России - не дураки и не дороги, а продажные, коррумпированные бюрократы. Стране требуется новое чиновничество, гражданская гвардия, столь же неподкупная и верная государству, как преторианцы древнего Рима.

Президент РФ
Сергей Рысаков
речь после инаугурации
23.05.2036

Пролог

Земля под ногами встала дыбом. Виктор не успел даже изумиться, как его приподняло и швырнуло. Ударило по ушам, и сознание втянула равномерно гудящая тьма.

Очнувшись, он почувствовал боль. Она растеклась по всему телу, особенно вольготно устроившись ниже колен.

— Что со мной? — прохрипел он в усатое потное лицо склонившегося над ним санитара. То, на чем Виктор лежал, тряслось, а вибрирующий гул красноречиво извещал, что сержант 2-й особой десантной дивизии Виктор Смирнов находится в летящем вертолете.

— Ничего страшного, — проговорил санитар так, что ложь заметил бы и ребенок, — ты, главное, держись...

— Ноги хоть целы?

— Ну... — санитар отвел взгляд.

— Ясно, — Виктор закрыл глаза.

Все время, что его везли до госпи-

тая, он не издал ни звука. Только скрипел зубами, пересиливая накатовающую волнами боль — и телесную, и стократ более сильную душевную.

Больше всего Виктор жалел о том, что мина не убила его, а всего лишь сделала калекой.

1.

— Витя? Ты?

Виктор нехотя поднял намертво прилипший к серому лоснящемуся асфальту взгляд, без интереса всмотрелся в окликнувшего его человека. Отливал металлом дорогой костюм, серебрилась запонка на галстукке, оранжевые контактные линзы отражали закат. Таких знакомых у бывшего десантника не водилось.

— Ну, я. И что?

— Старик, ты что, не узнаешь меня? — на округлом лице промелькнуло знакомое мальчишеское озорство.

— Сашка?

— Ага, узнал! — Александр Абра-

мов, некогда — сосед по комнате детского дома и приятель, а ныне — не совсем понятно кто, улыбнулся. — Как жизнь?

— Да так... — Виктор опустил глаза. — Не особенно...

Рассказывать не хотелось, да и не о чем было. Не о том же, как он год провёл в госпиталях, как учился ходить на современных, напичканных электронной, но все же протезах, как вернулся в Питер, получил от государства квартиру и два месяца пытался найти работу, пока не понял, что такие как он никому не нужны.

— Ты вроде в армии был... — Сашка смотрел недоуменно. — Вернулся? Или в отпуске?

— Вернулся... навсегда... — ощутив внезапный прилив злости, Виктор резким движением поддернул брюки. Свету явились драные носки — один сполз в ботинок — и неестественно розовые, блестящие и безволосые голени.

Живая кожа такой не бывает. Это зрелище, как правило, отбивало у знакомых желание общаться. Виктор пробовал несколько раз, всегда замечал на лице собеседника испуг, страх и отвращение, после чего разговор прекращался сам собой.

Но Абрамов отреагировал совершенно иначе.

— Во дела, — сказал он хмуро. — Да, крепко тебя приложило! Пойдем, расскажешь все!

— Куда пойдем? — мрачно спросил Виктор.

— Ну, посидим где-нибудь...

— Угощать себя не разрешу, а собственных денег на кабаки у меня нет! — отрезал Виктор. Ветеранская пенсия позволяла выжить, но никак не шиковать.

— Тогда возьмем пива и посидим где-нибудь на лавочке! — когда надо, Сашка тоже умел быть упрямым.

— Что, штраф хочешь платить?

— Не бойся, с ментами я договорюсь, — и Абрамов решительно развернулся в сторону ближайшего магазина.

Виктор хмыкнул и последовал за приятелем. Сам он конфликта с орга-

нами не боялся, за последний месяц успел побывать и в вытрезвителе и в отделении — за драку. Ему даже было интересно, как Сашка разберется со стражами порядка.

Бутылка темного пива, извлеченная из холодильника, приятно студила руку. Воблу и чипсы взял на свои Сашка. Виктор про себя выругался, но сделал вид, что ничего не заметил. Перешли дорогу по подземному переходу, нырнули в шуршащую тень парка, где по аккуратным дорожкам прогуливались пенсионеры с палками, молодые мамы с колясками и собачники с совочками и бумажными паке-тиками.

Найти тихий безлюдный уголок не составило труда. Едва приятели заняли лавочку под цветущими кустами сирени, как рядом, точно сгустившись из воздуха, нарисовался милиционер. Блестели начищенные ботинки и холодные, мертвые глаза.

— Добрый день, — приложив руку к фуражке, проговорил страж порядка, — распивая спиртные напитки в общественном месте, вы нарушаете пункт...

— Добрый день, — не смутившись, прервал его Абрамов и извлек из кармана пластиковую карточку удостоверения.

Глянув на нее, милиционер вздрогнул, в глазах его возникло одно из немногих чувств, известных работникам правоохранительных органов — страх.

— Прощу прощения, — затараторил он, чуть ли не кланяясь, — что помешал вашему отдыху...

— Иди уж, — махнул рукой Сашка, и милиционер в один миг скрылся за кустами.

— Ничего себе, заешьте меня тараканы! — усмехнулся Виктор. — Это где же ты работаешь? ФСБ?

— Бери круче! — на лице Абрамова возникла озорная улыбка, линзы в глазах залихватски сверкнули. — Служба безопасности губернского правительства!

— Ого, чертов хрен! — Виктор знал, что за последние десять лет органы власти по примеру корпораций

обзавелись службами безопасности, куда более эффективными, чем военнизированной охрана или та же милиция.

— Это все ерунда! — Сашка ловким движением открутил крышку с бутылки. — Ну, за встречу!

— За встречу!

Бутылки со звоном соприкоснулись.

2.

В новенькой, хрустящей на сгибах форме Виктор чувствовал себя неловко. Глянув в зеркало, понял, что в темно-синей куртке и брюках выглядит почти как пионер из исторического фильма. Кобура на поясе вызвала двойственные ощущения — вроде бы и оружие, а с другой стороны для того, кто семь лет таскал на себе полную выкладку десантника — смешная пукалка. До ломоты в зубах хотелось ощутить надежную тяжесть бронезиленета, горячее тело автомата в руках.

— Все понятно? — ведущий инструктора старший смены глянул на Виктора подозрительно и тот кивнул, хотя слушал без всякого внимания.

Он до сих пор не мог поверить в реальность происходящего. Четыре дня назад, в субботу наткнулся на Сашку, а в понедельник его пригласили на собеседование. В красивое темно-зеленое здание на Исаакиевской площади.

— Тогда прощу на пост, — старший глянул на портативный телефон. — До начала смены десять минут...

Виктор поднялся, поправил пояс. Болтающийся на груди бейджик с надписью «Виктор Смирнов, служба безопасности» выглядел солидно, но не отменял того факта, что бывшему десантнику предстояло служить обыкновенным вахтером.

Скучать в аквариуме из пуленепробиваемого стекла на одном из входов и ждать непредвиденных ситуаций. Рутинная работа на электронных плечах автоматической системы безопасности. Она заметит, если у кого из входящих в здание не будет пропуска, обнаружит спрятанное оружие или

взрывчатку, подаст тревогу в случае пожара. Люди-охранники являлись для нее не более чем придатками.

Не успел Виктор занять пост, как перед его кабинкой объявился Абрамов. Сегодня линзы у него в глазах отливали зеленью.

— Ну как? — спросил он. — Доволен?

— Пока сам не понял, — ответил Виктор. — Все равно спасибо...

— А, ерунда, — Сашка махнул рукой, — через два часа улетаю в Москву. Там замыслили какое-то совещание. Как всегда, не вовремя.

— Удачно долететь.

— Уж долечу, не бойся, — Абрамов подмигнул приятелю. — А ты бди!

Сашка ушел, рабочий день начался. Без пяти девять через пост сплошным потоком потянулись люди. Один раз шелкнул турникет, преграждая дорогу шуплому субъекту с всклокоченными волосами и в мятом костюме. Выслушав уверения, что лохматый работает здесь и просто забыл удостоверение, Виктор поступил по инструкции — вызвал старшего.

В девять пятнадцать наплыв схлынул, и Виктор начал подумывать о том, чтобы включить радиоприемник. В этот момент входная дверь открылась, и при виде проскользнувшего внутрь широкоплечего типа с цепким взглядом, новоиспеченный охранник невольно подобрался.

Голову идущего за телохранителем высокого мужчины полностью скрывал шлем из серебристого пластика. Виктор знал, что через этот шлем прекрасно видно и слышно. В одну сторону.

Когда человек в шлеме проходил мимо, Виктор невольно скосил глаза на информационную панель сканера. «Министр промышленности Северо-западной губернии Российской Федерации» — сообщал тот. Второй телохранитель, прикрывающий подопечному спину, исчез на лестнице, а Виктор все смотрел вслед и вспоминал чувства, охватившие страну, когда первые люди в таких вот серебристых шлемах появились во власти — страх, ожидание, смешанное с роб-

кой надеждой. Теперь, семь лет спустя, ожидание исчезло, зато все прочее — осталось. Данное президентом сразу после выборов обещание бороться с продажными чиновниками никто не воспринял всерьез. Как оказалось чуть позже — совершенно напрасно.

Отстроенный где-то в Вятской губернии НИИ Технологий Мозга, прозванный коротко и емко «Лагерь», выдал первую продукцию через семь месяцев после открытия. Попавших на его обнесенную забором территорию добровольцев лишали одной важной для выживания индивида, но губельной для страны способности — воровать и обманывать. Прошедшие Лагерь полностью отдавали себя государству — отказывались от имени и лица, получая взамен шлем из серебристого металла, персональный номер и высокий пост.

Позже, лет пять назад, когда чиновники новой формации появились и в правительствах регионов, их непонятно почему обозвали «преторианцами». Когда стало ясно, что это не блеф, и что людей в шлемах невозможно купить, а благодаря анонимности — еще и шантажировать, народ испытал невероятный прилив энтузиазма. А привыкшие воровать бюрократы и обученные давать взятки бизнесмены завыли волками. Президент Рысаков пережил три покушения, его рейтинг вознесся на невероятную высоту.

— Ну, как работа? — около будки объявился старший смены.

— Пока ничего, — ответил Виктор. Старший хмыкнул и отошел.

3.

— В Москве началось ежегодное собрание глав субъектов Федерации и представителей региональных элит, — вставленный в ухо приемник негромко бубнил, не заглушая звуков вокруг — голосов, шарканья подошв и ежесекундного писка сканера. Тот трудился изо всех сил, обследуя уходящих со службы сотрудников губернского правительства.

Для них рабочий день закончился. Виктору до завершения смены оставалось три часа. Он подумал, что Сашка наверняка там, в Москве, на «собрании представителей региональных элит». Пьет коньяк и треплется с такими же, как он, лощеными мужиками в дорогих костюмах и с модными цветными линзами в глазах. Интересно, почему этот, министр промышленности туда не поехал?

— В районе Павлодара продолжается операция по уничтожению провравшейся через границу банды мародеров, — сквозь турникет, едва не теряя обувь, промчался взлохмаченный клерк. Хлопнула дверь, и в вестибюле стало тихо, — по информации из министерства обороны, уничтожено двенадцать боевиков, трое взяты в плен...

Виктор потянулся, протяжно зевнул. За день сидения на одном месте конечности слегка затекли. Не выключая приемник, он вышел из будки — размять ноги.

В ухе что-то квакнуло, чмокнуло и голос дикторши, ставший вдруг живым и очень испуганным, произнес:

— Экстренное сообщение. Только что нам передали, что мощный взрыв прогремел в здании Федерального Собрания. Множество погибших, среди них, вполне вероятно — президент Рысаков.

Виктор ощутил, как посреди теплого дня его продирает морозцем. Президент мертв? Поверить в это было труднее, чем в то, что по Невскому разгуливает живой динозавр... Человек, вернувший России хотя бы часть утраченного величия, не побоявшийся открыто признать факт непрекращающейся войны по всей южной границе, от Черного моря до озера Зайсан, посягнувший на десятилетиями складывавшуюся пирамиду коррумпированной бюрократии в одно мгновение из политического лидера стал воспоминанием?

Виктор осознал, что в голове у него крутится строчка из старой песни «Что же будет с Родиной и с нами?». Появилась мысль: «Как там Сашка?..» Радиоприемник пискнул, и приятный

голос дикторши пропал, сменившись глухим треском. Виктор извлек хитрую штукотину размером с горошину из уха, понажимал сенсоры виртуального пульта. Но без толку — на всех диапазонах царили помехи, словно ведущие одновременно покончили самоубийством или кто-то сумел отключить трансляционный центр у Кантемировского моста.

Это предположение выглядело совершенно невероятным. Виктор решительно отбросил его и поднес портативный телефон ко рту. Что бы ни случилось, охранник должен выполнять свою работу. И сейчас неплохо бы узнать, не вводится ли в связи с ситуацией какой-либо особый режим.

— Алло, шеф, — сказал Виктор. — Шеф?

Портативный телефон молчал. Нажатие кнопки перезагрузки так же мало помогло ему, как мертвецу — клизма.

— Вот чертов хрен! Чего делать—то? — пробормотал Виктор. Уйти с поста, не известив старшего, охранник не мог, но инстинктивно десантника, прошедшего множество боевых операций, он чувствовал опасность.

Из-за поворота, ведущего к лифтам и лестнице, донеслись торопливые шаги. К турникету, боязливо озираясь и семеня, выскочил грома в темном костюме и черных очках. Виктор не сразу узнал одного из телохранителей преторианца, виденных утром. За ним спешил второй. Телохранители растеряли весь лоск и выглядели жалко, точно мокрые курицы. Один промчался через турникет, не останавливаясь, другой глянул на Виктора с изумлением и жалостью, как на человека, пытающегося наловить рыбы в сливном отверстии унитаза.

— Вот чертов хрен, — пробормотал Виктор, — бегут, точно крысы с корабля... что происходит, заешьте меня тараканы?

Входная дверь распахнулась и в вестибюле появился человек в маскировочной военной форме без знаков отличия и черной шапочке—маске с прорезьями для глаз, за ним еще один и еще. В руках вновь прибывшие держа-

ли автоматы АК-22, так что мирными их намерения обозвал бы только рехнувшийся пацифист.

Виктор испытал невероятное облегчение. Неопределенность исчезла, превратившись в понятную и привычную ситуацию. Вот ты, а вот враг, которого необходимо остановить.

— Стоять! — крикнул он, хватывая вая пистолет. — Оружие на пол!

— Не будь дураком, — хриплым, каким—то лающим голосом проговорил идущий впереди, — это ФСБ, специальная операция...

— Служба безопасности gubernского правительства вам не подчиняется! — Виктор поднял оружие. — Пока не получу приказ от начальства, не имею права вас выпустить! Еще шаг, и я стреляю!

— Сдохни, тварь! — второй из незваных гостей, долговязый и тощий, оказался менее терпелив.

Он вскинул автомат, Виктор нажал спусковой крючок. Бывший десантник подозревал, что его противники в бронезиловках, поэтому стрелял в лицо. Пуля выбила из головы фонтан крови, долговязый рухнул на месте.

Не дожидаясь ответа, Виктор брякнулся на пол и перекатился в сторону. Затрещал автомат, над головой свистнуло несколько пуль, с шорохом посыпалась побелка с развороченной стены. Он выстрелил еще раз, между турникетами, и со свирепой радостью увидел, как предводитель нападавших с воплем осел, хватаясь за пораженное колено. Двое подхватили его под руки, поволокли в сторону, прочь из сектора обстрела.

И тут Виктор ощутил, как его охватывает безумная горячка боя. В голове помутилось, и он сделал то, на что в такой ситуации решился бы только полный псих — вскочил и бросился вперед. Один из укрывшихся за колонной поднял голову, пуля вошла ему под подбородок. Второй успел вскинуть оружие, но тут же упал рядом с остальными.

— Ты что, идиот? — спросил раненый предводитель, и в глазах его читалось ошеломление. — Ты не понимаешь, что с тобой теперь будет?

— А мне плевать!

Прогремел выстрел, тел на полу стало четыре. Виктор замер посреди вестибюля, ощущая, как бешено колотится сердце, а с глаз спадает багровая пелена. Он прекрасно осознал, что ему просто повезло и что будь гости в масках готовы к сопротивлению, его бы в мгновение ока изрешетили пулями. В одиночку и с пистолетом против отряда автоматчиков выстоит разве что супергерой.

— Чертов хрен! — Виктору срочно захотелось выпить. Ноги в местах соединения с протезами болели, а пистолет не желал лезть в кобуру.

— Зачем ты это сделал? — скрежещущий, похожий на синтезированную речь голос прозвучал из-за спины, и Виктор резко повернулся, готовясь встретить новую угрозу.

В двух шагах за его спиной стоял высокий человек в глухом серебрящемся шлеме.

— Что именно? — спросил Виктор, ощущая непривычную робость. До сих пор он не видел преторианца так близко и тем более не разговаривал ни с кем из них.

— Стал сопротивляться.

Виктор почувствовал, что невольно ищет глаза собеседника, чтобы заглянуть в них, пытается уловить в нарочито искаженном голосе интонации. Разговаривать с лишенным мимики куском пластика оказалось непривычно и сложно.

— Ну... это моя работа...

— Им был нужен только я, — преторианец покачал головой, — а теперь они убьют и тебя.

— Кто «они»? — Виктор ощутил, что раздражение прорывается наружу. В этот момент он хотел знать, что именно случилось, и плевать ему было на то, что он разговаривает с министром.

— Те, кому мы — кость поперек горла, кому мы мешаем грабить страну. Те, кто убил президента и всех остальных в Москве... — искусственный голос на мгновение надломился. — Они долго готовились и теперь ни перед чем не остановятся.

— Так это не случайно?

— Конечно, — преторианец развел руками, — все было запланировано. После взрыва отказала правительственная и обычная связь, отключился ретрансляционный центр. Немногих коллег, не поехавших сегодня в Москву, сейчас, судя по всему, добивают специально подготовленные группы.

— А как же... — Виктор ощутил растерянность. Власть преторианцев, казавшаяся такой крепкой, рушилась, точно карточный домик, — как же те из вас, кто возглавляет ФСБ, МВД, армию?

— У каждого из них имелись честолюбивые заместители, не носящие шлема и метящие в кресло шефа, — собеседник Виктора издал короткий смешок. — Или просто желающие наживаться за счет высокого поста. Сегодня большинство из них организовало себе повышение.

— М-да, здорово... — Виктор на мгновение задумался. — Выходит, что типы, которым вы подпалили хвост, обязательно доведут дело до конца. Чего же мы тогда стоим? Надо бежать!

— Одного я не пойму, — в скрежещущем голосе прозвучало изумление. — Тебе-то чего со мной связываться? Ты что, не понимаешь, что можешь потерять все, вплоть до жизни!

— Мне терять нечего, — Виктор криво ухмыльнулся. Чувство, что от него чего-то зависит, забытое за последний год, заставляло сердце биться чаще. — А жизнь — разве это жизнь?

4.

Стоянка выглядела пустынной, как Каракумы, даже охранник в будке отсутствовал, а ворота были сиротливо распахнуты. Черный сверкающий лимузин смотрелся будто обточенная ветром глыба камня на сером песке.

— Говоришь, десантник? — спросил преторианец, всовывая идентификационную карточку в едва заметную щель в передней дверце. Внутри «Волги» что-то негромко шелкнуло.

— Да, — ответил Виктор, берясь за ручку. — Вторая особая десантная дивизия...

Внутри салона оказалось прохладно, пахло кожей, а на приборной панели чуть заметно мерцал небольшой монитор.

— А звать как? — министр по привычке устроился сзади, а Виктор скользнул на водительское место. Постоянный его обитатель явно сбежал вместе с охраной.

— Виктор.

— А меня — Антон, — за спиной что-то шелкнуло, и через плечо Виктора протянулась узкая белая ладонь. — Будем знакомы...

— Будем, — Виктор пожал руку и обернулся. — Ой!

Шлем лежал на сидении, а рядом с ним сидел и улыбался носатый мужчина лет сорока. Лицо его украсила щетина, светлые волосы были спутаны и потемнели от пота, а голубые глаза смеялись.

— Что, непривычно? — спросил преторианец и голос его без искажения оказался тонким, чуть ли не писклявым.

— Ага, — кивнул Виктор. — Заешьте меня тараканы!

— А уж мне-то как! — Антон усмехнулся. — Ладно, Виктор, если хочешь помочь, заводи мотор и поехали.

— Куда?

— Для начала — в наш поселок, за Пулково. В памяти машины должен быть маршрут.

Несколько минут Виктор разбирался с управлением, потом машина вздрогнула и беззвучно сдвинулась с места. Без всякого участия человека вырулила со стоянки и выехала на удивительно пустынный проспект Майорова.

— Ну вот, — сказал Антон. — Доберемся домой, там я заберу деньги, старые документы и кое-какие вещи.

— Деньги? То есть наличные? — удивился Виктор. Сам он денег как таковых никогда не видел, только древние, еще советских времен монеты.

— Причем евро, — преторианец кивнул. — Я давно подозревал, что наше время в этой стране так или иначе кончится.

— Да... — Виктор включил радио и

к собственному удивлению, наткнулся на работающую станцию.

— ... подписал указ, — говорил суровый мужской голос. — Согласно ему, всякий, оказывающий помощь представителям обманывавшей народ клики, именуемой преторианцами, будет привлечен к уголовной ответственности. Помощью считается предоставление убежища...

Виктор отключил приемник.

— Вот видишь, — Антон устало вздохнул. — Эта акция долго и тщательно готовилась, причем не без участия головастых ребят из Вашингтона или Пекина. Уж им-то сильная Россия никак не нужна. Те, кто захватили власть, сделают все, чтобы ее удержать, так что единственный мой шанс выжить — за граница. И чем быстрее я там окажусь — тем лучше.

— За граница так за граница, — согласился Виктор. — Что у нас там ближе всего? Финляндия?

— Эстония. Туда и отправимся.

Автомобиль свернул на Московский проспект и добавил скорости. Город вокруг смотрелся вымершим, машин было в два раза меньше, чем обычно, немногочисленные прохожие жались к стенам домов.

— Каково... каково быть таким, всегда носить этот шлем? — спросил Виктор, когда они выехали из центра, вокруг замелькали обшарпанные дома, выстроенные еще в прошлом веке.

Антон ответил не сразу.

— Поначалу очень тяжело, — сказал он, — но ты знаешь, на что идешь. Понимаешь, что семья твоя никогда не будет знать нужды, как и ты сам, осознаешь, что так надо и... с годами привыкаешь. Не обращаешь внимания на то, что на тебя пялятся, как на бородатую женщину, на всеобщий страх и презрение. Начинаешь чувствовать себя неловко без шлема, не узнаешь собственное лицо в зеркале...

— Зато можно не бриться, — Виктор провел рукой по подбородку. — Все равно никто не увидит.

— Это точно, — Антон негромко рассмеялся. — Побочный эффект, о котором авторы проекта думали меньше всего!

5.

Бетонный забор выглядел так, словно с его помощью собирались отразить нашествие слонов или бегемотов. Поверху тянулась колючая проволока, а установленные через каждые несколько метров крошечные камеры посверкивали, как глаза бдительных циклопов.

— Надо же, и эти сбежали, — печально вздохнул Антон, глядя на пустую будку около ворот. — А уж тут вроде служили лучшие, самые верные...

Виктор хотел было сказать, что лучшие не отрачивают задницы в охроне, а с оружием в руках защищают родину, но сдержался. Просто вылез из машины, выстрелом разворотил замок будки. Нажал кнопку, и ворота с гулом открылись.

Лимузин медленно, чуть поскрипывая, протиснулся в них и створки тут же сошлись.

— Неплохо вы тут живете, — сказал Виктор, оглядывая привольно разбросанные среди цветущих деревьев дома, больше похожие на миниатюрные замки, — в смысле, жили...

— Вот именно, что жили, — вздохнул Антон. — Любой «золотой век» рано или поздно заканчивается, и наш тоже подошел к завершению...

Они ехали мимо роскошных особняков и, несмотря на высокие заборы, было видно, что всюду царит запустение. Словно по элитному поселку, где обитали исключительно преторианцы и их семьи, прошел жуткий мор.

— А где все? — поинтересовался Виктор, когда лимузин свернул с ажурных воротам, похожим на обренок металлической паутины. Зажатые в кирпичной стене, они сверкали, точно обвешенные каплями росы.

— Кто? — Антон горько усмехнулся.

— Ну, люди, — Виктор удивленно глянул на преторианца. — Твоих... коллег сегодня много погибло, но семьи-то, домочадцы должны тут быть... Или сбежали?

— Сбежали, — Антон распахнул дверцу и вылез наружу, — давно.

Выбравшись из машины, Виктор понял, как тут тихо. Городской шум остался вдали, на севере. Ветер шелестел цветущими у забора кустами сирени. Ветки, увешанные тяжелыми соцветиями, слегка колебались, точно их ласкали невидимые пальцы. Сладкий аромат шекотал ноздри.

— Заходи, — позвал Антон с крыльца. — Подождешь в гостиной, пока я соберусь...

Снаружи дом был отделан «под кирпич», хотя Виктор прекрасно знал, что под красными прямоугольниками скрывается обычный строительный пластик. Башенки и балконы придавали ему праздничный вид. Впечатлительное портило разбитое окно на втором этаже, мутные, грязные стекла и заросший, заброшенный сад вокруг.

Виктор поднялся на крыльцо, миновал прихожую, в углу которой одиноко притулилась длинная, совершенно пустая вешалка и оказался в гостиной, размерами напоминающей спортзал. Одна из стен матово блестяла, красноречиво сообщая, что ее занимает стереопроектор, а слой пыли на ковре был такой, что на нем оставались следы.

— Располагайся, — Антон со спортивной сумкой появился из угловой двери, — я сейчас...

Одну из стен занимали голографии в рамках. Виктор подошел ближе. Почти на всех улыбалась высокая светловолосая женщина. Кое-где она была одна, на других вместе с Антоном или с детьми — девочкой и мальчиком. На последней голографии, у самого края, им было лет по двенадцать-тринадцать.

— Не гадай, — Виктор так увлекся разглядыванием, что не заметил, как хозяин дома подошел к нему со спины, — они живы... только находятся далеко.

— Но почему? Как можно бросить все это? Роскошный дом, обеспеченная жизнь, постоянная охрана, специальная школа для детей...

— Ответ прост и страшен, — Антон был серьезен и спокоен, — любая семья основана на лжи, на недомолвках и самообмане. А жить с человеком,

который всегда говорит правду, невозможно. Моя жена забрала детей и сбежала туда, где никто не знает, что ее бывший муж... — преторианец. Точно так же поступили супруги всех моих коллег. Не выдержал никто.

— Вон как...

— Да, именно так, — Антон протянул Виктору плоскую вытянутую коробку, похожую на черный пенал. — Тут пистолет, который мне подарили к юбилею. Посмотри, может ли он стрелять.

— Хорошо, — внутри «пенала» оказался ПП. На гладком боку красовалась золотая монограмма «237-му от МВД Санкт-Петербурга к 40-летию».

Настоящих имен преторианцев не знал никто, кроме разве что президента и персонала Лагеря. Человека, которого нельзя подкупить, всегда можно запугать, если выяснить его слабые места. У чиновников новой формации, выведенных президентом Рысаковым, все, начиная от пристрастий и заканчивая составом семьи, являлось государственным секретом. Для всего мира преторианцы существовали под номерами.

Виктор проверил затвор, извлек обойму. Та оказалась полна. Система инфракрасного наведения работала, электронное тестирование узлов показало норму.

— Машинка к убийству готова, — сказал Виктор, протягивая ПП хозяину, вошедшему в гостиную с набитой сумкой через плечо.

— Возьми себе, — отмахнулся Антон, — я все равно стрелять не умею...

Кобуры к наградному оружию не полагалось, так что Виктор попросту сунул его за пояс.

— Ну что, как поедем? — спросил он.

— Прямо на машине, — сняв костюм и одевшись в джинсы и майку, Антон стал похож на университетского преподавателя, — аэропорт и вокзал наверняка перекрыты.

— А ты уверен, что твой лимузин не пеленгуют? — поинтересовался Виктор. — Или его описание может быть уже выдано ДПС. Во втором случае мы доедем только до ближайшего

поста. В первом — до того места, где нас возжелают перехватить... Лучше бы сменить машину!

— Э... ну, — видно было, что Антон растерян, — другого автомобиля у меня нет...

— А деньги-то есть? Штук пять евро?

— Найдутся, — преторианец смотрел на Виктора недоуменно.

— Тогда поехали, — Виктор решительно двинулся к двери, — придется рискнуть. У Балтийского вокзала один мой дружок подержанными тачками приторговывает. Если доберемся до него живыми — все будет хорошо.

6.

Здоровенный усатый дядька в желтой, хорошо видимой в полутьме униформе махнул светящимся жезлом. Виктор вздрогнул, ладонь невольно стиснула рукоятку пистолета. Идущий впереди «Форд» послушно мигнул фарами и сдал влево, к обочине. Усатый вразвалочку двинулся к нему.

— Уф, пронесло, — сказал Антон.

— Ага, — согласился Виктор без особой радости. До сих пор те, кто собрался извести преторианцев, действовали последовательно. Трудно было поверить, что они вдруг превратились в растяп.

И если ДПС не дано указание ловить беглецов, то все просто — задуман другой, более эффективный способ их перехвата.

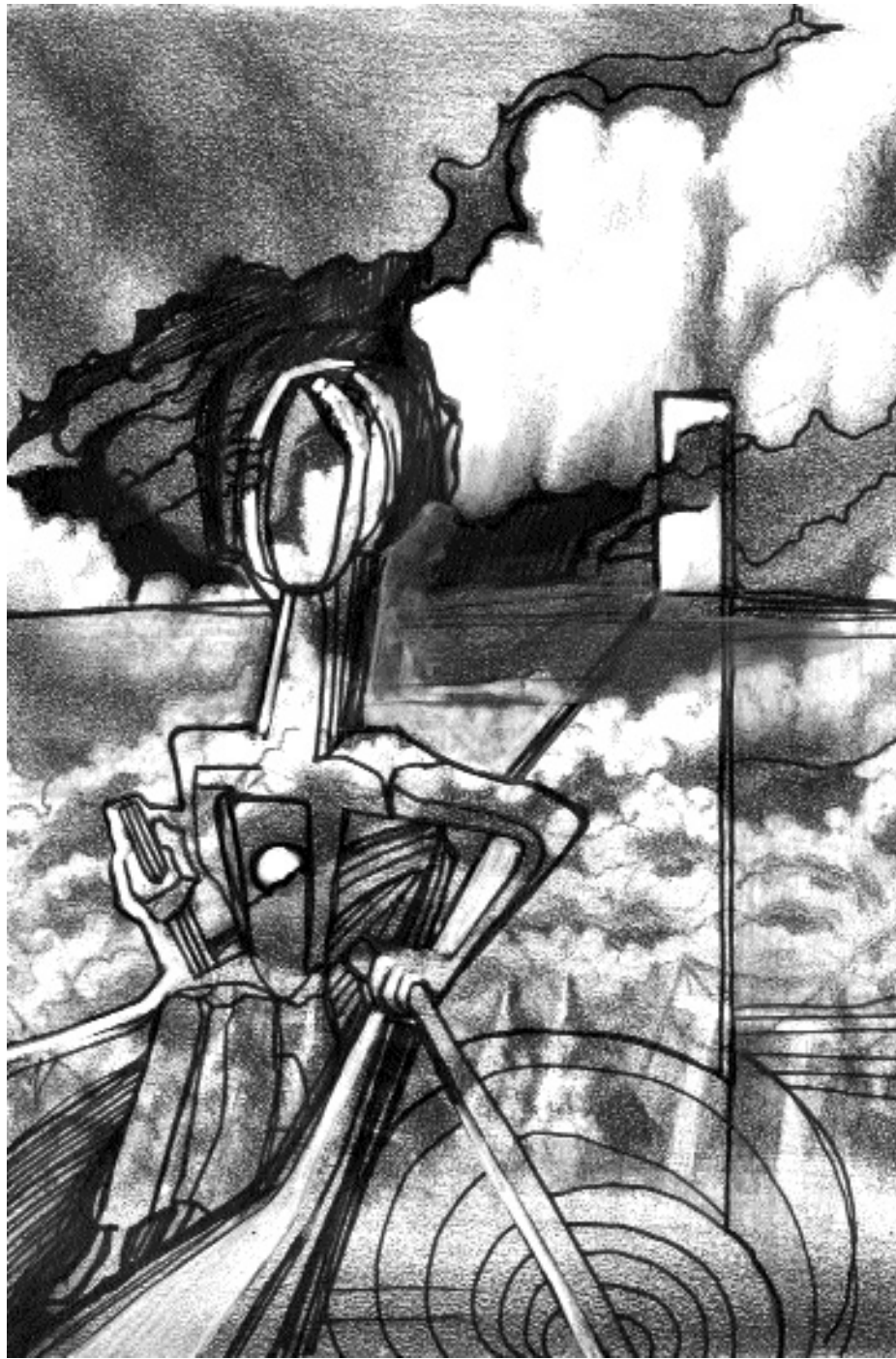
— И все же я никак не могу понять, почему ты мне помогаешь, — сказал Антон, когда они миновали парк Авиаторов. — Денег ты не зарабатываешь, славы тоже... в лучшем случае окажешься со мной за границей.

— За кордон я с тобой не пойду, — хмуро отрезал Виктор, — делать мне там нечего. Провожу тебя и вернусь.

— Тебя же тут убьют!

— Это вряд ли, — Виктор хмыкнул, — кто я такой, чтобы на меня пулю тратить? Скорее посадят по какому надуманному поводу. И все одно в тюрьме будет веселее, чем тут...

— Как это?

— Я воевал семь лет, — сказал Виктор, — и прекрасно понимаю, что на гражданке вряд ли приживусь. Если бы не ноги, давно бы завербовался куда-нибудь в Африку. Там наемники всегда нужны.

— А что с ногами?

Ответить Виктор не успел. Лимузин поворачивал, когда из подворотни ему под колеса ударил снап огня. Раздался хлопок, тяжелую машину подбросило, как модель из пластика, она встала на бок.

— Хрен чертов! — рывкнул Виктор. Одной рукой он крутил руль, другой пытался вытащить пистолет.

— Включена система безопасности, — пропел мелодичный женский голос, — со всех сторон с неприятным шипением полезли белые мешки, похожие на растущие ударными темпами грибы-дождевики.

— Ой! — тонко крикнул Антон, лимузин с грохотом во что-то врезался.

Виктора швырнуло вперед, если бы не мешок, он бы въехал лицом в приборную доску, а так лишь слегка помял нос и ощутил болезненный хруст в позвоночнике. Несмотря на неудобную позу, ухитрился достать оружие. Мешки в одно мгновение опали. Виктор толкнул дверцу и выкатился наружу, выставил пистолет в ту сторону, откуда стреляли, на набегающие из полумрака силуэты. ПП негромко пискнул, сообщая, что поймал цель.

— Получайте! — пистолет дернуло раз, второй.

Один из набегавших упал, сквозь рев пламени пробился полный боли вскрик. Второму пуля, судя по всему, угодила в защищенную бронезиловую часть тела. Его лишь отбросило назад. Очередь из автомата прошла много выше. Виктор выстрелил еще раз, но промахнулся. Уцелевший противник рванул прочь и скрылся за углом до того, как третья пуля нашла его. Зазвенело разбитое стекло.

— Вот хрен чертов, — морщась от боли в ушибленном локте, Виктор поднялся на ноги, поковылял к тому месту, где лежал один из нападавших.

Неподвижный до сего момента, он дернулся, вскинул руку с автоматом.

Пуля вошла в горло, превратив не успевший родиться крик в хриплое бульканье. Тело в серо-зеленом маскировочном костюме дернулось и затихло.

— Ты убил его? — голос Антона дрожал.

— Не хотел, но убил, — Виктор деловито осмотрел автомат. АК-22, такой же, как и у типов, что хотели проникнуть в здание губернского правительства. — Живого можно было бы допросить... Хотя что знает рядовой исполнитель?

Бывший министр выглядел бледным, точно мертвец. На лице его застыло недоуменное выражение, губы подрагивали, а из ссадины на лбу сочилась кровь. Виктор с сочувствием подумал, что преторианец первый раз в жизни так близко столкнулся с убийством.

— Забирай вещи и пойдём, — сказал он, помогая Антону подняться. — Скоро тут будет не продохнуть от ментов...

— Куда? Куда пойдём? — голос Антона сорвался на визг. — Они найдут нас везде!

— Не паникуй! — Виктор сильно и зло хлопнул преторианца по щеке. — Не найдут! У меня тут неподалеку друг живет. У него отсидимся...

Антон схватился за пострадавшую часть лица, но паника уходила из его глаз, сменяясь живым, осмысленным выражением.

— Да, да... — пробормотал он. — Сейчас...

Когда они быстро и бесшумно скользнули в ближайшую подворотню, издалека донесся вой милицеских сирен. Нужно было спешить.

7.

Обширный двор, окруженный громадами старых, чуть ли не полвека назад возведенных зданий, выглядел декорацией к фильму ужасов. Даже вечерний мрак не скрывал царящей вокруг разлухи — потрескавшихся стен, выбитых окон, загаженного асфальта. А спрятать вонь гниющего мусора он и не мог.

— Куда ты меня привел? — поинтересовался Антон, боязливо оглядываясь. Пока они шли, перебираясь из переулка в переулок, из двора во двор, он совершенно запутался и потерял направление.

— К другу, — коротко ответил Виктор, на ощупь находя кнопку звонка рядом с обшарпанной дверью. — Этот дом собираются сносить, так что он один в подъезде и остался.

Домофон, вопреки всему, работал.

— Кто? — хриплый голос прозвучал из него неожиданно громко.

— Свои, — ответил Виктор, — Смирный это.

— Смирный? — вещающий через домофон тип не отличался, судя по всему, особой понятливостью. Слова он выговаривал со странной медлительностью, точно был не в силах шевелить челюстями. — Витька, ты?

— Кто же еще, хрен чертов?

Щелкнул замок, дверь с душераздирающим скрипом отъехала в сторону.

— Хозяин квартиры немного странный, — пояснил Виктор, заходя в подъезд, — но ты внимания не обращай. Мы с ним знакомы еще с детского дома, так что он не предаст...

— Ладно, — Антон кивнул.

В подъезде, судя по запаху, кто-то умер, причем не меньше чем месяц назад. Зажав нос и стараясь не дышать, Виктор заскочил в прямоугольное чрево лифта. Антон поспешил за ним.

Лифт, новенький, точно сосланный из современного здания, вздрогнул и сдвинулся с места. Пока ехали до двенадцатого этажа, Виктор разглядывал следы попыток какого-то хулигана написать на стенке нехорошее слово. Несмотря на то, что хулиган применял что-то вроде плазменного резака, прочнейший самоочищающийся пластик оказался на высоте.

— Интересно, откуда тут все такое новое? — спросил Антон. — Лифт, домофон работает...

— Среди приятелей тугошного хозяина есть денежные люди, — пояснил Виктор, — для многих он что-то вроде гуру. Кстати, вот мы и приехали.

Одна из выходящих на лестничную площадку дверей была распахнута, а на косяк опирался длинноволосый носатый тип. Чахнувший под толчком осветительный блок освещал мутные глаза и ноздреватую, нездоровую кожу.

— Смирный... — протянул длинноволосый, — точно ты... а я сразу и не поверил!

— Я, именно я, — ответил Виктор, улыбаясь. — А ты как, Ярик?

— А что со мной будет? — лохматый хозяин квартиры расслабленно махнул рукой.

— Это Антон, он со мной, — Виктор показал на бывшего министра, — нам нужно пересидеть кое-какое время. Приютишь на пару дней?

— Ты все же вляпался в эту политику, — недовольно пробурчал Ярослав, — и приволок ко мне преторианца! Заходите, чего с вами поделаете?

— Как он догадался? — шепотом спросил Антон, когда они оказались в прихожей, похожей на большой шкаф.

— Ярик курит, колет и глотает всю отраву, какую только придумали на планете Земля, — так же негромко ответил Виктор, — и крыша у него давно съехала, но иногда он бывает на диво проницателен...

— Заходите! — крикнул хозяин откуда-то из недр квартиры. — Сюда, на кухню!

Судя по всему, когда-то тут была огромная элитная квартира. Потом часть перегородок между комнатами снесли, а двери сняли. Ярослав, похоже, не признавал их в принципе. Получился коридор с отходящими от него отсеками. Из мебели в изобилии имелись матрасы, кое-где громоздились обломки непонятного происхождения. На полу валялись использованные инъекторы, под ногами хрустели куски таблеточных оберток.

— Да это самый настоящий притон! — воскликнул Антон, обнаружив, что на одном матрасе кто-то преспойно дрыхнет. — Не думал, что такие еще сохранились!

— Это основное заблуждение влас-

ти, — изрек все слышавший, к ужасу Антона, Ярослав, — думать, что она знает все об управляемом объекте...

Кухня по сравнению с остальными помещениями выглядела куда более обжитой. Один из углов занимала газовая плита, рядом с ней громоздились баллоны, похожие на разжиревшие красные снаряды. Вокруг стола располагались коллекция разнородных стульев. В ней было все, от пластиковой табуретки до обитого цветастой тканью творения мастера Гамбса. На стенах сушились подозрительного вида травы, в воздухе витал сладкий дурманящий аромат, а на холодильнике возлежали самые настоящие мухоморы, здоровенные и красные, с контрастными белыми пятнышками на шляпках.

— Первый урожай этого года, — похвастался Ярослав, указывая на них. — Если хотите, могу угостить.

— Как-нибудь в другой раз, Ярик, — отказался Виктор. — Лучше чаю. Самого обычного, который в магазине продают! Понял?

— Ладно-ладно, — на лице хозяина квартиры обозначилось разочарование — он явно собирался заварить для гостей какого-нибудь дурмана. — Сейчас...

Водрузив чайник на плиту, он уселся на место и с любопытством взглянул на Антона. За мутью, плещущейся в темных глазах, прятался живой и острый ум.

— Хватит человека смущать, — сказал Виктор, — глядишь на него, как на уroda двухголового...

— Что двухголовый? — Ярослав шмыгнул носом. — Человек, не умеющий врать — куда большее диво. Никогда такого не видел, вот и люблюсь. А вообще, я точно знал, что вся эта затея с преторианцами обречена на провал.

— Это почему? — спросил Антон.

— Слишком многое в человеческой жизни основано на лжи, — хозяин квартиры извлек откуда-то из-под столешницы заварной чайничек, — религия, политика, искусство — все это разные формы обмана. Капля правды неминуемо растворится в море фальши.

— Тебя бы в правительство, — усмехнулся Виктор. — Мигом бы всю страну жизни научил!

— И запросто! — кивнул Ярослав, вытряхивая в мусорное ведро мерзкого вида траву, ничем не похожую на чай. — Только вот не возмрут...

И он улыбнулся, такой светлой и чистой улыбкой, какую Виктор никогда не видел ни у одного из политиков.

8.

Проснувшись, Виктор обнаружил, что день давно наступил, что на соседнем матрасе по-прежнему равномерно сопит Антон, а с кухни доносятся приглушенные голоса. Смутно помнилось, что ночью кто-то звонил в дверь, приходил, топал по коридору, из соседней «комнаты» доносились сладострастные стоны, тек густой разноцветный дым.

— Ха-ха, и ты будешь учить меня недеянию? — прозвучавший чуть громче голос хозяина полнил сарказм. — Твое самадхи даже и самадхи назвать нельзя! Будда и отцы дзена удавились бы, узрев такого ученика, как ты!

— Доброе утро, — сказал Виктор, выходя в коридор. — Все о философии?

Ярослав, похоже, и не ложился. Глаза его были красны, а на помятой роже застыло скорбное выражение. Рядом с ним сидел тощий и бледный, как недокормленная пиявка, юноша. Большие глаза его взирали на мир с горестным недоумением.

— Философия! — хозяин квартиры фыркнул. — Тоже мне, нашел слово! Знакомься, это Болячка. Болячка, это Виктор.

Бледный юноша встал и протянул худую, похожую на щупальце руку. Виктор осторожно ее пожал.

— Садись, — Ярослав распахнул холодильник и влез в него чуть ли не по пояс. — Жрать будешь?

— Спрашиваешь!

Вспыхнул газ, зашипело плавающее на сковородке масло, в его кипящее озеро одно за другим бухнулись три яйца.

— Вот я думаю, — Болячка, минут пять находившийся точно в трансе, ожил, — каково это — работать на человека, которого все считают предателем?

Виктор поглядел на него с интересом.

— Я на Антона не работаю, — сказал он, — а помогаю просто так.

— А по мне, так уж лучше быть приспешником честного предателя, — Ярослав высыпал в яичницу натертый сыр, — чем служить лживому правительству... Кто лучше спал двадцать лет назад, во времена диктатуры, враги режима, которых сотнями бросали в тюрьмы, или те, кто их мучил?

— Ладно вам, — Виктор поморщился, — вы что, о простых вещах совсем не разговариваете? Только о высоком?

— Должен же кто-то мыслить о высоком в этом низменном мире? — глубокомысленно изрек хозяин квартиры, водружая на стол тарелку. — Ешь, а потом мы побеседуем о делах более приземленных...

К удивлению Виктора, яичница оказалась самой обычной, без амфетаминов или галлюциногенов.

— Неплохо, заешь меня тараканы, — сказал он, опустошив тарелку.

— Дурного не держим, — Ярослав выразительно мотнул головой. — Скажи теперь, как ты планирует убирать-ся из города?

— Я хотел купить у Кольки машину... — начал было Виктор.

— Колька два года как сидит, — прервал его Ярослав. — За эти самые машины...

— Тогда... тогда есть еще Олег, мой бывший сослуживец. Он на Витебском вокзале работает, в службе безопасности, — этот вариант пришел в голову Виктору только что. — Нам любой поезд сгодится — до Ивангорода доехать. Ну а там — как-нибудь...

— Смотри, пристрелят вас эстонские пограничники, — хозяин квартиры задумчиво поскреб подбородок, — у твоего приятеля на лбу не написано, что он политический беженец... Хотя другого пути я не вижу. Билет на поезд или самолет вам не купить —

наверняка новые власти влезли во все базы данных на преторианцев, так что настоящее имя и лицо Антона известно. Машины, я думаю, досматривают... Можно еще через порт попробовать.

— Там у меня знакомых нет, — Виктор развел руками.

— А если на электричке?

— Какая разница? В любом случае без идентификационной карточки билет не купишь!

— Ладно... — протянул Ярослав. — Тогда звони твоему Олегу.

— Звонок могут перехватить. Я хотел попросить, чтобы ты до него дошел.

— Почему я? — Ярослав усмехнулся. — Вот Болячка сбегает. Заодно посмотрит, чего в городе творится. Сходишь?

— Почему нет? — бледный юнец вновь выпал из дремотного оцепенения.

— Отлично, — хозяин квартиры потер руки, — пиши адрес, где твой Олег живет, и место работы. И придумай что-нибудь, чтобы он не заподозрил, что это подстава...

Спустя пять минут негромко хлопнула входная дверь, и Ярослав вернулся на кухню, еще более задумчивый, чем раньше.

— А почему этого типа зовут Болячкой? — спросил Виктор. — Что, он настолько противный?

— Нет, — лицо хозяина квартиры расплылось в улыбке, — он так давно колется, что у него вены «ушли» вглубь, стали невидимы, так что болячку, расположенную над одной из них, он холит и лелеет года три! Расковыривает, натирает грязью, не дает зажить... Инъектор всаживает только в нее, чтобы не промахнуться!

— Занятная история, — Виктор ощутил легкую тошноту.

— Ничего занятного. Личная трагедия, — Ярослав воровато оглянулся через плечо, голос его стал тише. — И все же я так и не понял, на кой ты связался с этим типом? Зачем ради него рискуешь?

— Должен же я ради кого-то рисковать? — мрачно усмехнулся Виктор.

— Это для меня последний шанс сделать в жизни что-то стоящее. Если все получится, то сказка о том, что честные люди не всегда страдают за свою честность может стать былью.

— Ну-ну, — Ярослав помрачнел. — Дело твое. Помни только, что даже в случае с хеппи-эндом в сказках обычно грозятся кучи трюпов...

9.

— Ну, что, как я выгляжу? — Виктор развел руки, и стало ясно, что широкая цветастая рубашка с плеча хозяйина квартиры ему почти впору.

— Нормально, — кивнул Антон. — Хоть сейчас на Гавайи!

— На Гавайи пока рано, — хмыкнул Ярослав. — Так, а теперь штаны... Будешь хоть похож на человека, а не на пугало в униформе...

Штанами оказались старые, протершиеся джинсы с невероятным количеством цепочек, брелков и декоративных молний. При каждом шаге Виктор звенел, точно новогодняя елка.

— Красавец! — Ярослав отступил на шаг и поднял большой палец. — Никто не заподозрит в тебе бывшего вояку...

— И нормального человека тоже не заподозрит! — огромное, от пола до потолка зеркало, найденное где-то в глубинах квартиры, показывало Виктору его новый имидж целиком, ничего не скрывая.

— Какая разница? — хозяин жилища махнул рукой. — Сейчас найдем тебе новые ботинки...

— Не надо, — в глазах Виктора мелькнула боль, — они мне не подойдут...

— Почему? А, да-да... — Ярослав покраснел.

Спасая хозяина от неловкости, старым и разжиревшим соловьем пропел звонок домофона. Ярослав метнулся к двери, а через пять минут вернулся с Болячкой, который выглядел еще более отрешенным, чем утром.

— Ну что, как? — спросил Виктор.

— Нормально, — губы на бледном лице шевелились с явным трудом, —

он будет вас ждать завтра в десять утра у грузового терминала.

— Ясно, — Антон, уже посвященный в новый план, вздохнул. — А что вообще в городе?

— Да вроде спокойно, — Болячка задумчиво почесал нос. — Милиции правда много, на перекрестках голографические проекторы стоят. Портреты беглых преступников демонстрируют, в том числе и твой, — последовал кивок в сторону преторианца, — правда, там ты помоложе...

Антон вздрогнул.

— Дожил, — сказал он горько, — преступником стал...

— А у больших людей всегда так, — с пафосом сообщил Ярослав, — либо ты герой, либо чудовище. Иначе никак. Ладно, надо чего-нибудь поесть сварганить.

И сопровождаемый верным оруженосцем — Болячкой, он удалился на кухню.

— Странно, — Антон зябко передернул плечами, — вот уж никогда не думал, что мне будет помогать наркоманы, да еще такие... такие...

— Неправильные, — Виктор кивнул. — Но не обольщайся, Ярик помогает в первую очередь мне. А кроме того, он отличается от обычных любителей дури так же, как великий художник от уличного мазила, рисующего портреты на заказ. Что не помешает ему, — Виктор сделал паузу, — рано или поздно умереть от передозировки.

— Эй, где вы там? — судя по бодрому голосу, хозяин не собирался откидывать копыта. — Кокаин стынет!

— Ну, шутник! — усмехнулся Виктор. — Сейчас идем!

Огромная скворода, водруженная на стол, оказалась полна вовсе не кокаина и даже не «жареной» конопли, а картошки с мясом. Запах от нее шел такой, что голод ощутил бы даже мертвый.

— Ешьте впрок! — велел Ярослав. — Завтра с утра еще разок вас накормлю, а уж дальше не знаю, когда вы нормально поедите...

— Уж это точно! — Виктор с энтузиазмом ухватился за ложку.

Маленький стереовизор, до сего

момента выглядевший мертвой частью интерьера, с негромким чмоканием ожил. Развернулся виртуальный экран, и на нем из мельтешения разноцветных пятен выплыло изображение открывающей рот лохматой девицы. Из одежды на ней имелось несколько шнурков, а голос напоминал воровынный писк.

— Очередной «Конвейер звезд»? — сморщился Болячка. — Переключи...

На соседнем канале передавали новости.

— ... масштабы экологического бедствия в Южной губернии, — вещал мрачный голос на фоне картинки иссушенной зноем степи. — В этом году зафиксирован абсолютный температурный максимум. Прогнозы синоптиков остаются неутешительными — дождей в ближайшее время не ожидается.

Виктор прикрыл глаза. В памяти с неожиданной силой ожили воспоминания о еще более жаркой и сухой пустыне, где он прошел боевое крещение. Вспомнился секущий лицо горячий ветер, скрипящая на зубах пыль, автомат в руках и вонь гниющих на солнце трупов...

— Как-то это все мрачно, — пробурчал Ярослав с набитым ртом, — постараюсь найти что-нибудь повеселее...

Попытка успехом не увенчалась. На одном канале рассказывали о новой эпидемии в Африке, унесшей за два месяца несколько миллионов жизней, на другой шел репортаж из затерянной в лесах Сибири общины простецов — новой секты, объявившей возвращение к простой жизни предков единственным путем спасения для человечества. На «Первом» сообщали финансовые новости — перечисляли обанкротившиеся за последние сутки компании.

— Выключи лучше, — сказал Антон, — и так настроение поганое...

Его прервал пронзительный тонкий свист, донесшийся от двери.

— Вот жопа! — Ярослав вскочил, опрокидывая стул. — Дверь внизу лопает! Облава! Как не вовремя!

— Какая облава? — Антон пода-

вился, заперхал, лицо его налилось густым багрянцем.

— Ментовская! — рывкнул хозяин квартиры, бросаясь к двери. — А вы чего сидите? Собирайтесь! Быстро!

— Куда? — Виктор хлопнул преторианца по спине, из глотки у того вылетел кусок мяса, шлепнулся на стол. Бывший министр тяжело, с присвистом задышал. — Или ты предлагаешь нам прыгать в окно?

— Они провозятся с нижней дверью минут пять, — голос Ярослава доносился откуда-то из комнат, где он с грохотом что-то ронял, — за это время вы спокойно уйдете через запасной выход... Болячка, ты их поведешь!

Виктор взгромоздил на плечо сумку и, практически волоча еще не отдышавшегося Антона, ринулся к двери. Около нее приплясывал в нетерпении Ярослав, на лестничной площадке белело спокойное, как морда удава, лицо Болячки.

— Спасибо за все, Ярик. Еще увидимся, — сказал Виктор, хлопнув старого приятеля по плечу.

— Надеюсь, — грустно вздохнул тот, — спешите, они уже в подъезде.

Снизу приближалось негромкое гудение, слышались далекие голоса. Болячка повел их вниз по лестнице, а на первой же площадке свернул к толстой и ободранной трубе, выходящей из потолка и уходящей в пол. Ее основание было усыпано художественно разбросанным мусором — картофельными очистками, обрывками пластика, деталями каких-то механизмов.

— Залезайте, — Болячка со скрежетом открыл прямоугольную крышку в боку трубы.

— Это что? — подозрительно спросил Антон, раздувая ноздри. Хлынувший из темного отверстия запах напоминал о помойке.

— Когда-то был мусоропровод, а потом мы его переделали. Там есть скобы, за них удобно хвататься.

— Нет, я не полезу! — возмутился Антон. — Как...

— Давай! — Виктор, не особенно церемонясь, впихнул приятеля в отверстие. — Лучше провонять, чем получить пулю в голову!

Виктор пролез в отверстие, обдирая бока, встал на скобу. Спускаться было неудобно, болтающаяся на плече сумка задевала за стены, металлические дуги, за которые приходилось хвататься, больно резали ладони. Когда спустился метра на два, сверху донесся негромкий скрежет, и стало темно. Болячка, последним забравшийся в «запасной выход», закрыл за собой люк.

— Чертов хрен, — просипел Виктор, осознав, на какой высоте они находятся. По всему выходило, что по вонючей и узкой трубе придется преодолеть не так мало.

Трудолюбие наркоманов, соорудивших такой отнорок, вызывало уважение.

К тому моменту, когда под ногами оказалась ровная поверхность, Виктор был мокрым от пота, а икры в тех местах, где они соединялись с протезами, сводило судорогами. Сердце колотилось в груди, точно пошедшая вразнос центрифуга.

— Куда... куда дальше? — просипел из темноты Антон.

— Сейчас проводник спустится, — ответил Виктор, садясь на корточки и массируя ноги.

— Вот и я, — Болячка выбрался из трубы, в темноте шелкнуло, и яркий свет фонаря ударил по глазам. — Минутку передохнем и двинемся...

— Почему бы просто не отсидеться тут? — спросил Антон. — Подождать, пока милиция не уедет?

— Они надолго, — вздохнул Болячка. — Как только в окрестностях что-то случится, тут же заявляются, ищут чего-то... Могут еще и засаду оставить. Так что лучше валить.

Под веками перестали плавать оранжевые и желтые пятна, и Виктор открыл глаза. В комнатшке, ограниченной бетонными стенами, было бы тесно уже пятерым. По одной из стен шли выходящие из круглого отверстия наверху скобы, в другой виднелась дверь. Вопреки опасениям, вокруг было чисто и сухо.

— Куда двинемся? — Виктор с некоторым усилием выпрямился.

— Путь один, — отозвался Боляч-

ка. — На свободу. Подвалами пройдем квартала два, а там есть выход наверх.

— А дальше? — вступил в беседу Антон.

— Есть у меня одна идея, где можно ночь переждать, — сообщил Болячка и первым шагнул к двери.

10.

Тяжелый люк приподнялся с надсадным скрипом. Виктор надавил и отбросил его в сторону. Хлынувший в горло прохладный воздух после заглохой, пыльной атмосферы подземелий, которыми они пробирались несколько часов, показался сладким нектаром.

Виктор выбрался наружу и без сил распростерся на асфальте, глядя в далекое черное небо, испещренное светляками звезд. Год назад он бы не заметил такой нагрузки, а сейчас дышал, точно выброшенная на берег рыба, и в мускулах поселилась ватная слабость.

— Вот и все, — из люка вылез Болячка, протянул руку Антону. — Дальше пойдем как люди...

— Куда? — спросил преторианец, чуть отдышавшись.

— На юге, за Лиговским каналом есть БОМЖ-зона, — с застенчивой улыбкой сообщил Болячка, — там вас никто не будет искать...

— Это уж точно, — согласился Виктор, поднимаясь на ноги. Осевшая на коже пыль вызывала зуд, и ему безумно хотелось вымыться. — А как мы туда проникнем?

— Есть подходы, — прозвучал несколько туманный ответ.

Зоны содержания лиц без определенного места жительства были созданы около двадцати лет назад, когда власти поняли, что выгоднее кормить и одевать бомжей, держа их под контролем, чем позволять им свободно перемещаться и портить жизнь честным гражданам. Европейские демократические институты взвыли о нарушении прав личности, прикормленные ими правозащитники дружно забились в истерику, но внимания на

них никто не обратил. БОМЖ-зоны были созданы и более-менее успешно функционировали до сих пор.

Ночной город выглядел тихим и темным, на горизонте ворчала, подсвечивая зарницами, далекая гроза. Болячка вел их на юг, избегая людных улиц. Они миновали пустынные дворы, пересекли железную дорогу, топали через пустыри, заваленные остовами автомобилей времен нефтяного изобилия. А потом впереди оказалась бетонная стена. Высокая, как вокруг поселка преторианцев. Поверху шла колючая проволока, торчащие через каждые двадцать метров вышки щетинились видеокамерами.

За забором во мраке вырисовывались контуры полуразрушенных зданий.

— Когда-то тут был завод, — пояснил Болячка, сворачивая направо, — в начале века отстроили. Потом его забросили, а затем сделали БОМЖ-зону...

— Как мы попадем внутрь? — поинтересовался Виктор.

— Тем ребятам, что живут там, иногда хочется побывать снаружи. Так что они соорудили для себя ход.

Путь их закончился в кирпичном сооружении, похожем на раскормленный сарай. Болячка с некоторым усилием открыл тяжелую металлическую дверь и включил фонарь. Луч света упал на сваленные грудой ржавые железяки.

— Нам сюда, — сказал Болячка и полез куда-то к задней стене.

Под гнущей штуковиной, похожей на гигантскую крышку от консервной банки, обнаружилась уходящая вниз дыра. Она сошла бы за крысиный лаз, если бы крысы выростали до размера откормленной свиньи.

— Опять ползком, — мрачно пробурчал Антон, глядя на исчезающий в дыре зад Болячки.

— Другой вариант — сдать, — ответил Виктор. — Что, созрел для этого?

— Нет, — вздохнул Антон и опустился на четвереньки.

Виктор успел сбить колени, когда ход круто пошел вверх. Под руками

обнаружилось что-то вроде оплывших ступеней, подниматься стало легче.

— Давай-давай, — подбодрили его спереди.

Выбравшись на ровное место, Виктор ощущал себя доисторической тварью, только что совершившей эволюционный рывок — выход на сушу. Поднял голову и обнаружил, что его и товарищей держат под прицелом несколько грязных и бородастых типов с древними, но безусловно действующими автоматами. На стволах виднелись глушители.

— Ну, и с чем пожаловали, мать вашу? — хмуро поинтересовался самый высокий из бородачей. — Сразу вас в расход пустить или покуражиться сперва?

Согнанным в свое время в БОМЖ-зоны бродягам под угрозой сурового наказания не позволялось покидать их, но внутрь власти не совались даже в случаях откровенной уголовщины.

— Мы к Модесту, — торопливо сказал Болячка, — он меня должен помнить, я — Болячка...

— К Модесту? Вон как, твою мать? — хмыкнул высокий. — Ну, погоди, сейчас узнаем, помнит он о тебе или нет... Садитесь пока вон туда, в угол.

Виктор опустился на холодный пол, прислонился к стене. Помещение, где они оказались, было огромным, потолок терялся во мраке, а по сторонам поблескивали какие-то массивные агрегаты.

— Кто этот Модест? — тихо спросил Антон.

— Он тут один из главных, — ответил Болячка. — Который все решает.

Загнанные в кольцо из стен бомжи, судя по всему, перестали быть аморфной массой стихийных анархистов, превратившись в организованное сообщество со своими лидерами и даже боевиками. Одно то, что они сумели достать оружие, о многом говорило.

Модест появился через пять минут. Он был высок, но в отличие от подручных с автоматами, толст и лишен бороды. Дранные лохмотья сидели на нем величественно, будто королевская мантия.

— Нехорошо пользоваться нашим проходом, — сказал он, упершись в Болячку ледяным взглядом, — без крайней нужды. Чем больше людей проходит, тем больше вероятность, что о нем узнают. И тогда мы останемся без выпивки, дури и прочих радостей жизни. — Он сделал паузу, давая провинившимся ощутить тяжесть проступка, а потом спросил. — Зачем пожаловал?

— Этих вот двоих спасаю. — Болячка меланхолично кивнул в сторону спутников. — Надо нам отсидеться до утра.

— Да? — Модест впервые поглядел на Виктора. Глаза его были светлыми и холодными, как кружочки льда. — И кто же они такие?

Виктор спокойно выдержал испытующий взгляд, а вот Антон заерзал.

— Не важно, — буркнул он.

— Вот как? — Модест вскинул брови. — А мне интересно, и я привык свой интерес удовлетворять. И чтобы я этого делать не стал, — последовал красноречивый кивок в сторону бородачей, — меня нужно чем-нибудь задобрить...

— Могу предложить пистолет, — Виктор извлек оружие так быстро, что никто из автоматчиков не успел дернуться. — Или пулю из него.

Модест без страха поглядел на направленный ему в живот ствол, усмехнулся.

— Да, удивил ты меня, — сказал он, — ладно, оставайтесь до утра... Но только сидеть здесь и никуда не ходить. А за час до утренней кормежки чтобы и духу вашего тут не было!

Кормежкой, судя по всему, обитатели гетто для бродяг именовали регулярную доставку в БОМЖ-зону продуктов.

— Хорошо, — Виктор кивнул, не опуская пистолета, — только пусть твои бойцы под ногами не путаются. А то пристрелю кого ненароком...

Модест усмехнулся еще раз и пошел прочь.

— Уф, — Виктор утер со лба пот, сунул оружие назад в кобуру. — Обошлось...

— Если бы надо, ты бы выстрелил?

— с придыханием спросил Антон, когда они уселись вокруг сумки, а Болячка выключил фонарь.

— Да, и запросто. Уж чего-чего, а стрелять на поражение я умею, — не смотря на ночную прохладу, Виктор ощущал, что ему жарко. На лице выступил пот, рубаха прилипла к спине. — Спать будем по очереди, кто-то всегда должен сторожить.

— Первым могу быть я, — подал голос Болячка. — Все равно спать не хочется.

— Ладно, — кивнул Виктор. — Через три часа разбудишь Антона, а ты, Антон еще через три — меня.

— Хорошо, — кивнул Болячка.

11.

Такси остановилось, негромко взвизгнув тормозами.

— Куда? — за опустившимся стеклом обнаружилась рожа, похожая на небритый блин с глазами-оливками.

— На Загородный проспект, — ответил Виктор.

— Залезайте, — водитель окинул троицу подозрительным взглядом, и задние дверцы с негромким щелчком приоткрылись.

— Твоя карточка заблокирована, — негромко сказал Виктор, пропикивая сумку на сиденье, — воспользуемся моей.

Болячка скользнул на переднее место. Сканер возмущенно пискнул, когда в его щель вошел прямоугольник идентификационной карточки, но сенсор загорелся зеленым.

— Ага, — удовлетворенно сказал водитель, — поехали...

Такси с негромким урчанием сдвинулось с места. Виктор нащупал на дверце выключатель, щелкнул им и над спинкой переднего сидения развернулся прямоугольник виртуального стереоэкрана. Тесный салон огласил неестественно бодрый голос.

— Сегодняшним указом исполняющий обязанности президента Андерей Сурин, — вещал он, в то время как на экране бульдозеры с деловитым ревом сносили бетонный забор, — покончил с уродливым пережитком про-

шлого — НИИ Технологий Мозга, именуемым в просторечии Лагерем...

За забором виднелись окруженные соснами корпуса, выстроенные в стиле начала века — сплошь стекло и блестящий металл. Солнце, отражаясь от стен, слепило глаза.

Антон издал какой-то курлыкающий звук. Лицо его выглядело жутко, взгляд стал диким, а на губах застыла кривая усмешка.

— С тобой все в порядке? — спросил Виктор.

— Нет, — ответил преторианец, — все очень даже не в порядке.

Он помолчал, глядя, как на экране люди в милицейской форме обыскивают тесно уставленную странного вида оборудованием комнату, напоминающую операционную.

— Всегда, когда мне становится страшно, — проговорил Антон, — я вспоминаю то, что там с нами делали... И страх отступает, поскольку ничего страшнее представить невозможно. Выключи... выключи это.

Виктор протянул руку, стереоэкран свернулся в линию и исчез.

Город, по которому они ехали, разительно отличался от знакомого Виктору Питера. Он выглядел запуганным и пустынным, часто встречались патрули, на каждом перекрестке вешали голографические проекторы. Светились, чуть помаргивая, портреты новоявленных «врагов народа».

— Где вас высадить? — спросил таксист, когда они миновали поворот на улицу Введенского канала.

— А прямо здесь, — сказал Виктор, — вот, тут у обочины.

Антон взглянул на него удивленно. — Ты что? — сказал он шепотом, когда они выбрались из машины. — Тут же куча народу! Меня узнают! Почему бы ни доехать прямо до места?

— Чтобы таксист знал, куда именно мы направляемся? — Виктор хмыкнул. — Не бойся. Думаешь, кто-то смотрит на эти изображения? Всем они давно глаза намозолили! А кроме того, там ты лет на десять моложе, не меньше!

— Умешь ты утешить, — буркнул преторианец. — Нечего сказать.

— Ну, дальше вы сами, — проговорил Болячка, широко улыбаясь, — все что мог, я сделал... Удачи!

— И тебе, — Виктор улыбнулся. — Ярику привет и... до встречи!

Бледный наркоман кивнул и исчез в толпе.

Антон тащился за Виктором, сгорбившись и вжав голову в плечи. Они лавировали среди торопящихся людей, прошли под путями длинным, как кишка слона, подземным переходом. Свернули в неприметный переулок, а потом долго топали между двумя рядами молодых тополей. Чуть в стороне, за забором, высились обширные ангары, дальше грохотали поезда.

— Вот и он, — около ворот, ведущих к грузовому терминалу Витебского вокзала, топтался высокий светловолосый человек в униформе, очень похожей на ту, в какой Виктор сам щеголял совсем недавно. — Олег, привет!

— Витя? — светловолосый вскинул голову, в синих глазах его при виде цветастой рубахи и звенящих джинсов мелькнуло недоверие. — Ну и вырядился, ха! Прямо не узнать!

Друзья обнялись, а Антон ощутил, как по спине его побежал холодок. Кожа на правой половине лица у Олега неестественно блестела розовым, выдавая искусственное происхождение, а правый глаз двигался неестественно, чуть с запаздыванием.

— Ну, что тебе надо? — спросил Олег, нарочито не обращая на преторианца внимания. — Понятно, что не пива со мной выпить. Тогда бы ты позвонил, а не прислал того тухлого типа...

Чем дальше он слушал, тем мрачнее становилось его лицо. Когда Виктор закончил, оно напоминало трагическую маску древнегреческого театра.

— Да... хм... — Олег потер искусственную кожу на щеке — этот жест явно был для него привычным. — Иванов, говоришь? Срочно... Надо подумать, какие есть варианты. Главное для вас — на территорию попасть, минувя посты, а там уж я встречу... В об-

шем, — он огляделся и наклонился вплотную к Виктору, — слушай меня.

12.

Забор выглядел так, будто его строили во времена Екатерины Великой. Короткая загородка между двумя кирпичными стенами состояла из самых обычных досок, к тому же слегка покосившихся. Понятное дело, что хитрые работяги, желающие носить кое-что мимо проходной, соорудили тут лаз. Служба безопасности вокзала (в лице Олега, по крайней мере) о нем знала, но прикрывать не спешила.

— Ну что, пришли, — пробормотал Антон, вытирая пот со лба. Чтобы добраться до места, приятели топали вдоль забора почти до самого Обводного канала. — Как он говорил — третья доска справа?

— Ага, — Виктор осторожно поддел указанный сегмент ограждения и толкнул его в сторону. Раздался скрип и открылась щель, достаточно широкая для человека. — Полезли.

Олег ждал их. С сосредоточенным видом он смотрел куда-то в сторону и не повернулся, хотя прекрасно все слышал.

— Думал уж, не дождусь, — буркнул он, — вон там две жилетки ремонтной службы. Надевайте.

Жилетки были такими ярко-оранжевыми, точно их красили апельсиновым соком, и настолько просторными, что налезли бы на самого толстого человека.

— Оделись? — спросил Олег через две минуты. — Тогда пошли!

На взгляд Виктора они с Антоном напоминали ремонтных рабочих не больше, чем нацепивший лыжи негр — уроженца норвежских фьордов. Но на двоих людей в оранжевом, идущих через пути в сопровождении работника службы безопасности, никто не обращал внимания.

— Почему он делает вид, что меня не замечает? — спросил Антон, когда впереди замаячило похожее на исполнинский торт здание вокзала, перестроенное всего три года назад.

— Чтобы потом, если чего, с чис-

той совестью ответить, что не знал, кому помогал, — отозвался Виктор.

Через служебный ход они проникли на крытый перрон и пошли вдоль состава. Синие обтекаемые вагоны напоминали огромные карамельки. В окнах празднично смотрелись цветастые занавески, а светящиеся таблички над дверями гласили «Балтийский экспресс».

— Нам сюда, — к удивлению Антона Олег прошел к самому хвосту состава и остановился у вагона, напоминающего скорее передвижную тюрьму. Окошек в нем не имелось, широкая раздвижная дверь в середине была закрыта, а у второй, самой обычной, скучал невысокий усатый мужичок лет сорока.

— Здорово, Михалыч, — сказал ему Олег.

— Привет, — мужичок подозрительно зыркнул на Виктора и Олега. — Чего надо?

— Какой ты нелюбезный, — в голосе Олега звучала мягкая укоризна. — Помню, весной ты был куда более покладистым...

— Кгхм... — мужичок побагровел так, что стал похож на свеклу, снял фуражку и обтер рукавом потную лысину, — я помню, да... Чего надо?

На этот раз вопрос прозвучал не агрессивно, а скорее жалобно.

— Довези этих двоих до Ивангорода.

— Ладно, — Михалыч засопел. — Долг платежом красен. Заходите, вон туда, в купе... Оно там одно, не промахнетесь.

— Идите, — Олег слегка подтолкнул Виктора в спину, — до отправления три минуты. Счастливо!

— Счастливо, — Виктор махнул рукой.

— Быстрее, не стойте на виду! — бурчал за спиной Михалыч. — Что за растяпы!

Внутри вагон выглядел странно — туалет, купе проводника, а дальше — мощная железная дверь с хитрым комбинированным замком. Чтобы открыть такой, мало знать код, нужен еще магнитный пропуск и палец с соответствующим отпечатком.

— Почтово-багажный вагон, — догадался Антон.

— Он самый, — ответил Виктор, усаживаясь на койку.

Сквозь завешенное окошко виднелся перрон, серьезный и хмурый Олег. Затем все сдвинулось, поплыло в сторону, поезд чуть приподнялся, как всегда в начале движения.

Хлопнула дверь вагона, в купе появился Михалыч, красный и сердитый.

— В общем, так, — сказал он, — ехать нам два часа. Туалет работает, чаю, если чего, я вам налью, а на большее не рассчитывайте! Тут вам не купе-люкс!

— Хорошо, спасибо, — кивнул Виктор.

Проводник сипел, сопел, метал на навязанных ему попутчиков гневные взгляды, но потом успокоился.

— Слышали, — сказал он, — один из преторианцев за границей объявился?

— Нет, — в один голос ответили Виктор и Антон. — И где?

— На Украине, — Михалыч махнул рукой. — В новостях говорили, что он сбежал и что готов выступить в Европарламенте с обличением нынешнего режима. Даже рожу его показали — толстая, небритая...

— А с какими обличениями? — Антон помрачнел.

— Ну, как обычно, — Михалыч вздохнул и рукавом вытер лысину, — кто на запад бежит, тут же начинает родину последними словами крыть — что диктатура у нас тут, что людей сотнями в тюрьмы бросают, что беспредел и всякое угнетение прав человека.

— Но это же ложь, — очень тихо сказал Антон.

— А ты чего хотел, правды? — проводник недовольно фыркнул. — Кому она нужна? Слишком дешево ценится, а вот на обмане неплохо можно заработать.

Он тяжело, с кряхтением поднялся и вышел. Через мгновение за стенкой, в туалете забулькала вода.

— Он не понял, — Антон повернулся, и стали видны его глаза — от-

верстия в океан боли, — преторианец не может лгать в принципе. А значит тот, кого показали в новостях — фальшивка.

— Или беглеца заставили прочитывать вслух текст, сказав, что это ненаучная фантастика, — Виктор зло усмехнулся, — и сделали запись. Вот и все.

— Да, возможно, — мертвым голосом проговорил Антон. — Все возможно.

Он отвернулся к окну и замер, точно окаменев. Виктор откинулся к стене и закрыл глаза.

13.

— Все свободно, — Михалыч, наполовину высунувшийся из вагона, махнул рукой, — тикайте, ребята. Удачи вам!

— Спасибо, — Виктор первым выскочил на перрон, зашагал прочь. Слышал, как за спиной топает Антон. Все время, что они провели в поезде, он молчал и бессмысленно пялился в окно. Любая попытка разговаривать преторианца быстро проваливалась.

Олега с его знанием окольных путей тут не было, так что пришлось идти как всем, через здание вокзала. Стоящий у турникетов безусый милиционер проводил их подозрительным взглядом.

— Не оборачивайся, — прошипел Виктор, — и не вздумай ускорять шаг...

Сам сунул руку под рубаху, к торчащему за ремнем пистолету. Ребристая рукоятка легла в мокрую от пота ладонь.

— Куда мы? — спросил Антон, когда они вышли на круглую, как монета, площадь.

— Я думаю, что на юго-запад, — ответил Виктор, — в сторону от города. В любом случае нам остался последний шаг — пересечь реку.

К Нарве, несущей воды из Чудского озера в Финский залив, они вышли спустя три часа. Река открылась с вершины холма — полоса темного, чуть поблескивающего серебра. Она не выглядела широкой, но у

Виктора сжалось сердце — плавать с протезами он еще не пробовал и не знал, сможет ли.

— Подождем да темноты, — сказал он после размышлений, — вон в том леске. Заодно посмотрим, как берег охраняют.

В роли «леска» выступила роща молодых березок, едва в рост человека. Среди густой зелени мог бы спрятаться взвод диверсантов.

— Эх, надо было поесть захватить, — проговорил Виктор, сгружая с плеча сумку. В желудке ощущалась неприятная пустота.

Антон ничего не сказал, молча сел, прислонился к стволу, который возмущенно заскрипел. Через мгновение глаза преторианца оказались закрыты, хотя неровное дыхание выдавало, что он не спит. Виктор хмыкнул и пожал плечами — не желаешь общаться, ну и ладно.

Он лег на пузо и принялся наблюдать за рекой. Несколько раз с негромким урчанием проплыл раскрашенный в белый и синий цвета патрульный катерок с эстонским флагом на корме, потом вдоль самой воды деловито прошлепали двое парней в маскировочной форме и с автоматами. Один вел на поводке собаку. К счастью, ветер дул в сторону берега.

— Хрен чертов, — негромко выругался Виктор.

Темнело медленно, на востоке сгушалась мгла. Из нее одна за другой крошечными светящимися медузами выныривали звезды. Солнце провалилось за горизонт, но его желтые пылающие щупальца уползали с небосвода с воистину прибалтийской неторопливостью. От реки начал подниматься туман.

— Ну что, пора, — сказал Виктор, когда на часах была полночь. — Надеюсь, все, что может промокнуть, у тебя запаковано как следует?

— Все можно высушить, — Антон поднялся. — Пойдем.

Неспешно, через каждые несколько шагов останавливаясь и прислушиваясь, они спустились к воде. Под ногами шуршала трава, над речной гладью плыли клочья тумана, слышно

было, как ниже по течению плещет рыба.

— Стой! — прозвучавший из темноты окрик заставил сердце дернуться, а ударивший в лицо луч фонаря недвусмысленно сообщил, что их обнаружили. — Кто такие?

— Падай! — рывкнул Виктор, прыгая в сторону.

Пистолет в его руке дернулся, пуля с инфракрасным наведением угодила в самую горячую точку — в фонарь. Раздался звон и приглушенные ругательства, а потом треск автомата.

Виктор шлепнулся на живот, выстрелил еще трижды. Тьма ответила стенами и удаляющимся топотом. Затем все стихло.

— Чертов хрен, — ощущая, как болит дернутое при рывке бедро, Виктор пополз вперед.

На труп наткнулся через десять шагов. Тот лежал навзничь, простреленная шея была мокрой от крови. Рядом валялся автомат и обломки фонаря. Второй пограничник, судя по всему, смог убежать. И это значило, что скоро тут будет не продохнуть от его приятелей.

— Антон, — негромко позвал Виктор, забрав оружие погибшего, — ты где там? Живой?

— Меня зацепило, — голос преторианца был полон страдания.

— Плыть сможешь? — Виктор отыскал сумку и пошел на звук, пока едва не наступил на Антона. Тот сидел, правой рукой держась за левое плечо, лицо его в темноте белело, точно кусок мела.

— Брось... эту идею, — преторианец говорил медленно, с придыханием. — Дай мне пистолет, а сам уходи...

— Ты чего это, ума лишился? — преувеличенно бодрым голосом сказал Виктор, садясь на корточки и отводя ладонь приятеля от плеча. Несмотря на темноту, с первого взгляда понял, что дело плохо — пуля разворотила сустав и рука превратилась в неподвижный придаток. Как Антон не потерял сознания — оставалось лишь гадать. — Сейчас поплывем...

— Нет! — проговорил преторианец твердо. — Там, за границей, я не смо-

гу выжить, там тоже ложь, обман... лучше уж погибнуть, чем стать орудием, которое используют против твоей собственной страны... Похоже, что для меня в этом мире не осталось вариантов.

— Нет, так нельзя! — Виктор ощутил прилив злости. — Зачем мне в таком случае возвращаться? Для чего все это было? Чтобы вот так сдаться?

— С судьбой не поспоришь... — голос Антона слабел. — Ты сделал для меня все, что мог, и не твоя вина, что ничего не вышло... Зачем губить себя?

— Ну нет! — Виктор зло усмехнулся. — Будем уходить, сколько сможем, а потом — сражаться!

Как всегда в экстремальной ситуации, кровь ударила ему в голову, все тело наполнилось горячей легкостью.

— Держи пистолет! — сказал он, вручая оружие Антону. — И пошли!

Взваленный на плечи преторианец показался не особенно тяжелым, по крайней мере, на первых шагах.

— Ты куда? — Антон закашлялся, захрипел. — Думаешь, удасться уйти? Глупо! Беги один. Отпечатки твои с рукояти я сотру, одну пулю на себя истрачу. Найдут труп, может, и не станут искать никого... Они же только одного видели!

— Я уже совершил за последнее время достаточно глупостей, — прохрипел Виктор, — и не мешай мне сделать еще одну...

Идти делалось все тяжелее, протезы глубоко погружались в сырую почву, в груди засипело.

— Прощай, — сказал вдруг Антон, за спиной у Виктора шелкнуло. Раздался выстрел, на спину брызнуло горячим.

— Эх... — Виктор остановился, сглотнул пересохшим горлом. — Дурак, как есть дурак...

Он опустился на корточки рядом с трупом и некоторое время сидел неподвижно. Из ступора его вывел донесшийся с реки звук — тарыхтение лодочного мотора.

— Ну ничего, сволочи, — сказал Виктор, поднимая автомат. — Нашли меня, значит? Ну я вам покажу, чего стоит десант!

Следующие полчаса он был очень занят. Автомат пойманной птицей бился в руках, почти невидимые во мраке пограничники стреляли в ответ. Приходилось то и дело менять позицию. На судороги в искалеченных ногах Виктор не обращал внимания.

А когда пуля вошла куда-то в грудь и острая боль пронзила тело, Виктор упал лицом в холодную сырую траву и замер. Странная и очень яркая мысль о том, что не осталось больше в России честных людей, заставила его содрогнуться, после чего все мысли исчезли.

Остался только мрак. Без вариантов.

ОБ АВТОРЕ:

Один из самых перспективных представителей молодой волны отечественной фантастики, пришедших в жанр на рубеже 1990—2000-х гг. Казаков Дмитрий Львович родился и живет в Нижнем Новгороде. Высшее образование получил в Нижегородском государственном техническом университете, но на жизнь зарабатывает исключительно литературным трудом.

Дебютом в фантастике стал рассказ «Легенда о ловце ветра» в альманахе «Фантастика XXI» (1999). С тех пор выпустил более 16 книг в различных жанрах — от фэнтези до боевой НФ. Наиболее известные романы Д. Казакова — «Я, маг!» (2002), «Солнце цвета крови» (2004), «Высшая раса» (2005), «Мера Хаоса» (2005), «Война призраков» (2005), «Демоны Вальгаллы» (2006).

Произведения нижегородского фантаста дважды завоевывали награды международного фестиваля фантастики «Звездный мост» (2002, 2003).